

ИБО КРЕПКА,
КАК СМЕРТЬ, ЛЮБОВЬ...

Х век до Рождества Христова. Легенды рассказывают, что однажды царица пустыни отправилась на север с караваном сокровищ, чтобы своими глазами увидеть могущественного царя и испытать его загадками. Но истинная история царицы Савской и царя Соломона известна лишь им двоим...

Слава о богатствах Сабы и сиянии ее правительницы достигла царя Соломона. Окруженный сотнями жен и наложниц, он мечтает о ней — женщине, чья мудрость равна ее красоте. Царские жены и наложницы не смогли стерпеть того, что чужеземка отнимает у них возлюбленного. Ей пришлось бежать, но, уезжая от Соломона, царица Савская под сердцем уносила самый драгоценный дар...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5966-9

9 786171 259669

ТОСКА
ЛИ

ЦАРИЦА
САВСКАЯ

ЦАРИЦА
САВСКАЯ

ТОСКА
ЛИ

THE LEGEND
OF SHEBA:
RISE OF A QUEEN

TOSCA LEE

A NOVEL

ЦАРИЦА
САВСКАЯ

ТОСКА ЛИ

РОМАН

УДК 821.111(73)
Л55

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Впервые опубликовано “Howard Books”,
a Division of “Simon & Schuster, Inc.”

Выражаем особую благодарность литературному агентству
“Andrew Nurnberg Literary Agency” за помощь
в приобретении прав на публикацию этой книги.

Переведено по изданию:

Lee T. The Legend of Sheba: Rise of a Queen : A Novel /
Tosca Lee. — New York : Howard Books, 2014. — 336 p.

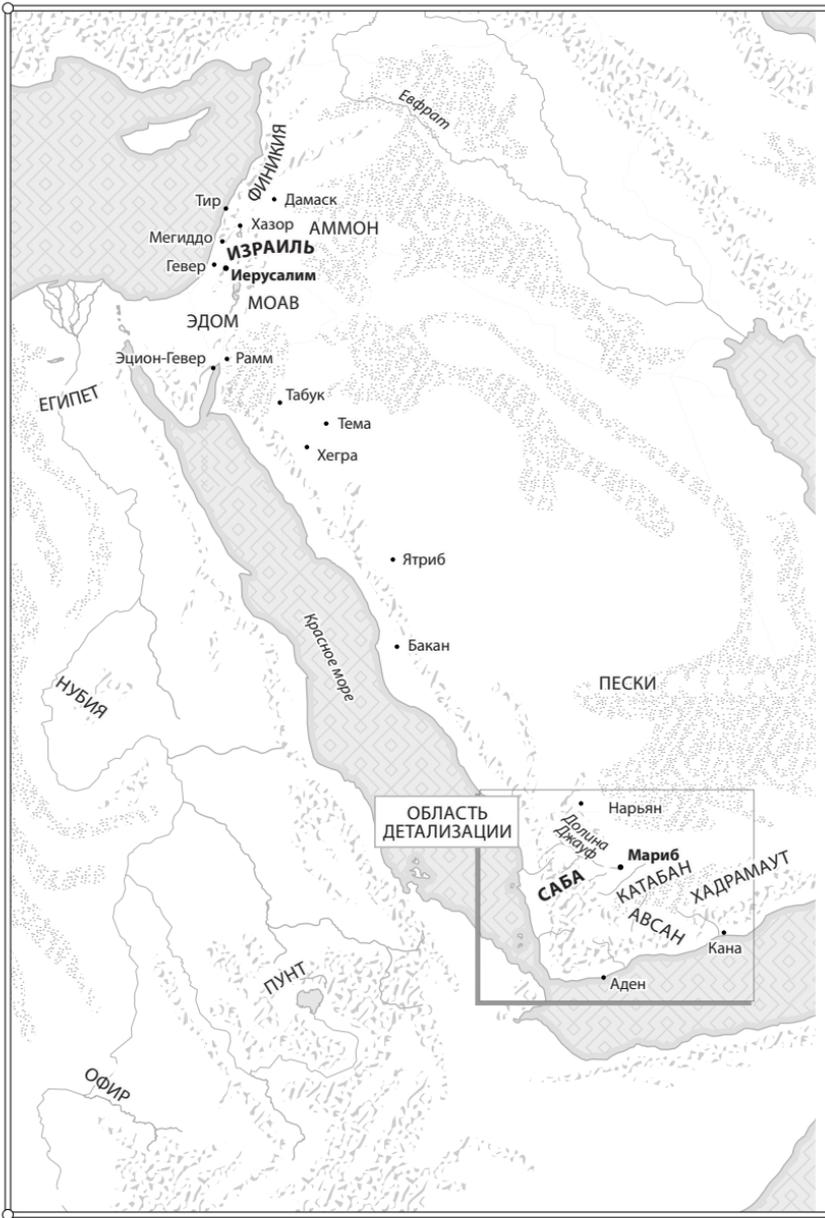
Перевод с английского *Татьяны Ивановой*

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-5966-9
ISBN 978-1-4516-8404-9 (англ.)

- © Tosca Lee, 2014
- © Cover design by Jennifer Parker, 2015
- © Cover photography by Kevin White Photography, Minneapolis, Minnesota
- © Неміро Ltd, издание на русском языке, 2015, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2015, 2019

Посвящается тем, кто готов к путешествию

МИР САБЫ

970 г. до н. э.

Долина Инда

ПРОЛОГ

Есть одна история, переходящая из уст в уста. О царице пустыни, отправившейся на север с караваном сокровищ, чтобы воздать почести другому правителю и его Единому Богу. История о царице, которая была покорена далеким царем и вернулась в собственные земли с грузом его даров.

История, в которую вы должны поверить.

Иными словами, большей частью — ложь.

Истина же такова, что не всякий сказочник способен подобное выдумать.

Богатства были еще драгоценнее. Секреты — еще опаснее. Любовь и предательство — еще ярче и больнее.

Любовь... Само это слово — лишь шелуха, сброшенная кожа, иссушенная солнцем в бесконечной пустыне, суть его давно потеряна в песках. Такой же будет моя история для тех, кто последует ее пустынным путем, по моим следам, так, словно их никогда не было. Ни горы не вспомнят меня, ни воды Вади Дхана не пропоют обо мне, орошая и питая заливные поля. Далеко от пустыни осядет их безжалостный ил. И в том милосердие.

Колонны великого храма за узким морем носили когда-то мое имя: Билкис, Дочь Луны. Здесь, к западу, колонны дворца носят иное мое имя: Македа, Жена Огня. Для тех, для кого я жрица и объединительница, я ношу имя своего царства: Саба. Для израильского народа я была царицей пряных земель, и они называли меня Шебой.

А также шлюхой.

Историки, без сомнения, будут рассказывать обо мне одно, жрецы — совершенно иное. В мире, одержимом завоеваниями, сохраняются лишь истории мужчин, наши же действия вдали от спальни и очага запоминают, только когда мы выходим из тени мужчин. Выходим и становимся печально известны лишь тем, что перестали быть невидимками, истина же нашей жизни эфемерна, как дым благовоний.

Королевам, которые не могут позволить себе роскоши смирения, сложнее. История не знает, как примириться с нашими амбициями и нашей властью, когда нам достаточно сил, чтобы выжить. Жрецы не терпят нашептанных божественным безумием вопросов. И оттого наши пути чернеют от огня праведного негодования тех, кто завидует приписываемому нам распутству. Мы становимся соблазнительницами, блудницами, еретичками.

Я была и не была всеми вышеперечисленными, в зависимости оттого, кто обо мне говорил.

За морем Сабы уже утихли дожди в горах, и воды могучей Дханы поутру устремятся на раскинувшиеся внизу поля. Через несколько месяцев северные торговцы приплывут к нам за ладаном и золотом... и привезут с собой новости о царе, что послал их.

Я много лет не произносила его имени.

О да, за этим стоит долгая история. Но, если вы решитесь узнать от меня правду, история начнется вот так...

Мне не суждено было стать царицей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Моя мать, Исмени, родилась под мерцанием звезды Пса, в час, когда неверный ее свет сбивает людей с пути. Говорили, она очаровала моего отца, и он сделал ее своим консортом лишь потому, что мать затуманила его разум. Ни один царь не выберет жену из собственного племени, презрев возможность усилить связи с другими племенами.

Но я видела, как провожали ее взглядами, в какой бы дворцовой галерее она ни появилась; как разговоры сменялись напряженной тишиной, когда она скрывалась из виду. В те редкие моменты, когда она занимала свое место рядом с отцом в Зале Суда, весь зал тянулся к ней, как прилив стремится к луне в затмении. С бронзовой кожей, с бровями, подобными крыльям голубки, с губами, шепчущими молитвы, моя мать была самой прекрасной жемчужиной всей Сабы. Каплям дождя на высоких горных террасах далеко было до музыки бусин с ее одежд, лучшие благовония Хадрамаута не могли сравниться с ее духами.

Задремывая на ее диване в жаркие дни, я переплетала свои пальцы с мамиными и любовалась бирюзой ее колец. Я надеялась, что мои руки и ноги будут когда-нибудь такими же стройными. На большее я не надеялась, ведь я представить себе не могла, что любое другое проявление ее красоты может появиться дважды в нашем мире смертных.

Часто мы получали дары от моего отца: редкие цитрусы с севера, сладкие плоды в горькой кожуре. Певчих птиц и гребни

слоновой кости, привезенные из-за узкого моря. Рулоны тончайших египетских тканей, из которых моя мать шила мне платья под стать своим.

Но величайшей драгоценностью для меня были песни. Она пела их мне, как колыбельные, тихонько мурлыча у самого моего уха; ритуальные молитвы, которым она учила меня, когда мы преклоняли колени перед ее идолами и сладкий аромат ладана вплетался в ее волосы. Она никогда не бранила меня за то, что я цеплялась за подол ее одеяний, которые назывались «царскими». В те ночи, когда она удалялась к моему отцу, я не просыпалась одна: мама всегда возвращалась ко мне к утру.

За стенами дворца Саба раскинулась от подножия прибрежных гор до самых песков пустыни. Но я была уверена, что мой мир не простирается дальше покоев моей матери.

По вечерам я сидела у ее шкатулки с драгоценностями и украшала свои уши ляпис-лазурью, плечи мои сгибались под тяжестью ожерелий, а матушка сидела у стола. Стол был покрыт чем-то золотым и сверкающим, отчего даже слабый свет лампы золотил все вокруг — и мамино лицо, и серебряный кубок в ее руке.

Затем я танцевала, а она хлопала в ладоши. Браслеты на моих лодыжках звенели — танец муссонного дождя, что мчит-ся по высохшим руслам рек, и танец легкого летнего дождика, зовущего посевы взойти над потемневшей за зиму пашней. Мои руки изгибались над головой в честь загнутых рогов горного козла, и я изображала, как убегаю от львов, отчего мама всегда смеялась. А потом она обычно вскакивала на ноги и присоединялась ко мне, ряды сердоликовых бусин ее ожерелья звенели всякий раз, когда она притопывала ногой.

— Ты вырастешь красивее меня, — сказала она однажды, когда мы обе рухнули на подушки.

— Никогда, мама! — Сама мысль об этом казалась мне невозможной.

Тогда она протянула мне руку, и я прижалась к ней.

— В твоём возрасте я была не так красива, — сказала она, целуя меня в макушку. — Но берегись, моя маленькая Билкис. Красота — это оружие, которым можно взмахнуть лишь однажды.

И прежде чем я успела спросить, что она имеет в виду, мама сняла с запястья тяжёлый браслет. Он был шириной с мою ладонь и инкрустирован рубинами.

— Видишь эти камни? Они тверже кварца и изумрудов. Они не ломаются под давлением, не становятся мягче с годами. Пусть это напоминает тебе, голубушка, что мудрость долговечнее красоты и оттого её ценнее. — Она надела браслет на мою руку.

— Но...

— Тише. Восходят Звездные Сестры, пришло время для новых дел.

Она коснулась амулета, висевшего у меня на шее, бронзового лица-солнца, на обороте которого были выгравированы письмена для моей защиты.

— Как тебе нравится мысль о маленьком брате-принце?

Я устроилась рядом с ней поудобнее, играя с браслетом. Кормилица заставляла меня каждый месяц жечь ладан перед алебастровым идолом Шамс, богини солнца, и молиться ей именно об этом с тех самых пор, как я себя помнила.

— Очень нравится, — сказала я, потому что знала: маме будет приятно это услышать. Я не стала говорить, что брат мне понравится куда больше сестры, которая стала бы соперничать со мной за внимание матери. С мальчиком мне будет проще делить её, потому что рано или поздно он оставит нас, перейдя на сторону отца — и на трон.

Я поклялась ежедневно молиться о том, чтобы дитя моей матери было именно мальчиком.

Десять дней спустя у моей матушки случился припадок и она ударилась головой о мраморную скамью в купальне. В ту ночь мне сказали, что она покинула меня ради лучшей жизни и забрала с собой моего нерожденного брата.

Я кричала, пока не рухнула на край ее столика. Я называла их лжецами и умоляла позволить мне увидеть маму, отбиваясь от всех, кто пытался ко мне прикоснуться. Моя мама ни за что бы меня не оставила! Когда они наконец отвели меня к ней, я бросилась на ее тело и цеплялась за холодную шею, пока меня не оторвали вместе с длинными прядями ее волос, в которых запутались мои пальцы.

С тех пор как закрыли царский мавзолей в храме лунного бога, Алмакаха, ее лицо постоянно стояло у меня перед глазами. Иногда я чувствовала ее запах, ощущала мягкость ее щеки, прижимающейся ко мне во сне. Мама меня не оставила. После ее смерти я почти год не могла говорить. Все считали, что я онемела от горя. Но на самом деле я отказывалась говорить со всеми, кроме нее.

Я шепталась с ней каждый вечер, укладываясь в постель, пока ее голос не стих грядущим летом, забрав с собой жизненно важную часть меня. Мне тогда было шесть лет.

Хагарлат, вторая жена моего отца, не была ни молода, ни красива.

Но ее присутствие во дворце обновило связи с племенами Нашшана на севере и торговый путь по огромной долине Джауф. Если каналы и дамбы, что спускали к нам летние муссоны, были живой кровью Сабы, то пути благовоний были ее дыханием, каждый выдох ее дорог был выгодно наполнен фиmiaмом, бдоллахом, бальзамином и миртом.

В год, когда мне исполнилось восемь, накануне первых весенних дождей тишину женской части дворца разорвал недовольный крик моего сводного брата.

В тот год мой отец пожертвовал золотые фигурки Хагарлат и моего брата на храмовом празднике, начертил на камнях соответствующие проклятья, что падут на любого, кто попытается эти фигурки убрать. Я почувствовала себя преданной подобным кощунством: моя мать покоилась в той священной земле.

Но даже появление наследника не смягчило царский совет, для которого мой отец был навеки не ровней своему воинственному предшественнику. Мой дед Агабос был убийцей мужчин. Тысячи пали в жерло машины его амбиций, когда он развернул кампанию по объединению четырех великих царств: Авсана, Катабана, Хадрамаута и Сабы, чтобы править ими всеми.

Именно Агабос женился на принцессе из-за узкого моря, от которой его дети унаследовали царскую темноту своей кожи.

Но мой отец, единственный из сыновей Агабоса, переживший все его кампании, был больше заинтересован в распространении поклонения лунному богу Алмакаху на территории объединенного царства, а не только в границах самой Сабы. В тот год он назначил себя верховным жрецом и управлял лишь храмовыми банкетами и ритуальными охотами до тех пор, пока даже мои детские уши не услышали ропота недобрых, гудевшего в коридорах дворца, как пчелиный рой.

Я не доверяла Хагарлат. Не потому, что она поддерживала его религиозное рвение, и не из-за ее пятнистого верблюжьего лица, и даже не потому, что она принесла в наш мир тот блестящий сверток, который звался моим братом, — но потому, что она заняла комнаты моей матери, завладела всеми ее украшениями и заставила всех, кроме меня, позабыть об имени Исмени.

Дворец стал мне чужим, когда слуги мачехи и жуткие жрецы заполнили его коридоры звучанием грубого языка своего племени. Мои новые родственники и даже их рабы либо смотрели сквозь меня, не замечая, либо ограничивались приказами, а дети, с которыми я росла, отделились от меня за тот год, что я провела в молчании.

— Держись от меня подальше! — сказал мне один из них, мальчик по имени Лубан, когда я попыталась подговорить его сбежать в конюшни. Раньше, когда мама была жива, мы много часов проводили там, кормили верблюдов и прятались от

моей няньки. — Твоя мать мертва, а Хагарлат — королева. Ты теперь просто вне закона.

Я заморгала, потрясенно глядя на его круглое лицо, на котором было написано презрение.

А потом подбила ему глаз.

— Я дочь царя! — кричала я, стоя над ним, пока кто-то не оттащил меня прочь.

В тот вечер меня лишили ужина, но у меня не было аппетита. Я уже видела раньше, как юные друзья покойных соратников становились слугами наследников, приходивших на смену, но никогда не думала, что подобное может произойти со мной.

— Ты царевна. Не забывай, кто ты, — сказала мне в ту ночь моя нянька. Но я не знала, кто я такая. Со мной остались лишь нянюшка и ее дочь Шара.

И хотя больше никто — по крайней мере, в лицо — не называл меня незаконнорожденной, от меня не укрылось, как огибают меня взгляды, как меняется выбор тканей для моих платьев, как подарки от отца становятся все реже, пока не прекращаются вовсе.

Однажды я нахально вошла прямо в комнату Хагарлат, где она диктовала план празднования первого дня рождения моего брата, разложив на кушетке рулоны крашенных тканей и редкого шелка.

— Где те вещи, что посылает мне мой отец? — требовательно осведомилась я. И услышала вокруг потрясенные вздохи, краем глаза заметив искажившееся от ужаса лицо моей няньки.

Хагарлат обернулась, и изумление на ее лице было написано так же отчетливо, как рисунок хной на ее лбу. С ее ушей свисали серьги зеленой яшмы. Толстый золотой пояс охватывал бесформенную талию. Я подумала, что она выглядит как разряженная ослица.

— Что, дитя, он позабыл тебя? А сюда он шлет так много подарков. Ах, как ужасно твое лицо... — Она потянулась к моей щеке.

И в тот самый миг, когда моя нижняя губа готова была задрожать, я увидела его: рубиновый браслет, когда-то принадлежавший моей матери, тот самый, который она подарила мне перед смертью.

— Где ты его взяла? — спросила я. Нянька уже тянула меня прочь, шипя, чтобы я замолчала. — Это мое!

— Что, это? — сказала Хагарлат. — Ах, ну если он так много для тебя значит, можешь забрать. — Она сняла браслет и бросила его мне. Он упал на пол у моих ног.

— Простите меня, царица! — залепетала нянька. Я вынырнула из кольца ее рук и подхватила браслет с пола. Одного рубина в нем не хватало, и я принялась лихорадочно искать его на ковре, но нянька все же выволокла меня из комнаты.

С тех пор я избегала дворца, насколько могла. Я уходила в сады и проводила долгие часы у бассейнов, напевая себе под нос мамины песни. Пыталась забытья в занятиях с учителем, которого приставил ко мне отец, явно для того, чтобы со мной не было новых проблем.

В течение трех лет я изучала поэзию шумеров, мудрость египетских писаний, истории о создании мира из Вавилонии. Я приходила к дворцовым писцам и развлечения ради читала порой из-за их плеча судебные документы, а главный писец отца позволял мне любоваться своим гордым почерком и даже делился со мной описанием битв моего деда, когда я подкупала его кувшином вина, утащенным из подвалов. Я с нетерпением ждала возвращения торговцев, привозивших новые сокровища: пергаментные свитки, таблички, вощеную бумагу, даже пальмовые черенки, на которых высекались их торговые счета.

Впервые с тех пор, как моя матушка перешла в мир теней, я вновь обрела радость. Мой новорожденный брат, Даммар, должен был стать царем. Я же скользила мимо дворцовых коридоров с их политическими дрызгами и тайными интригами, стремясь к историям других людей, что жили далеко-далеко отсюда. Стремилась сбежать от всего...

Но не сумела избежать взглядов брата Хагарлат.

Садик был змеей — толстяк с безжизненными глазами, от которых ничто не могло укрыться, и с даром убеждать советников моего отца в собственной полезности.

Служанки и рабыни часто сплетничали о нем, говоря, что он родился под сильным знаком, — на самом деле это означало, что он изрядно разбогател, когда его сестра вышла замуж за моего отца. Казалось, им очарована половина дворца, хоть я и не могла понять почему.

Но самого Садика интересовал лишь один человек — я.

Его глаза следили за мной сквозь арки. Я чувствовала, как этот взгляд змеей скользит по моей спине и плечам всякий раз, когда я появлялась в алебастровом зале.

И это заметила не только я.

— Не удивлюсь, если Хагарлат попросит твоего отца отдать тебя Садику, — сказала мне однажды няня, закончив причитать над моими непослушными волосами. Шара, которая была мне как сестра, округлившимися глазами взглянула сначала на мать, а затем на меня. Она стала ненавидеть родственников Хагарлат после их появления во дворце, пусть даже только из верности мне.

— Он не согласится, — сказала я.

— Отчего же нет?

— Садик верен ему и без того.

Я не питала иллюзий по поводу собственного будущего: через несколько лет меня должны были выдать замуж за кого-то из знати.

Но не за Садика.

— Любовь Хагарлат к своему брату известна каждому, — сказала няня, яростно расчесывая мои волосы. — Как и ее способность получать милости от твоего отца.

— Но он даже не глава племени!

— Он брат царицы. И к концу года станет мастером вод, попомни мои слова.

Я потрясенно на нее посмотрела. Мастер вод управлял распределением потока воды от великой дамбы Вади, шлюзы ко-

торой питали оазис по обе стороны Мариба. То была должность, дающая власть над самыми влиятельными племенами столицы. Лишь честный и уважаемый человек мог справляться с неизбежными конфликтами по поводу распределения вод.

Садик не был ни честным, ни уважаемым.

— Он сумеет разве что собирать взятки.

— Билкис!

— Это правда. Садик — червь, питающийся от груди своей сестры!

Нянюшка резко и громко вздохнула и — я это чувствовала — была готова призвать меня к осторожности. Но прежде, чем она успела сказать хоть слово, Шара уронила бронзовое зеркало, которое как раз полировала. Зеркало с глухим стуком упало на ковер.

— Неуклюжая девчонка! — рыкнула на нее мать, но Шара этого словно не услышала, не поднимая взгляда от пола.

Нянюшка помедлила, затем ахнула и уронила пряди моих волос, которые начала заплетать. Она шагнула в сторону и поклонилась так низко, что я испугалась за ее шею.

Я медленно повернулась на стуле.

Там, в арке двери нашей общей комнаты, стояла Хагарлат. Край ее вуали был заколот, открывая лицо, в каждом ухе дождем звенели тяжелые золотые серьги. Две ее женщины стояли в маленькой комнатке за аркой. Я поднялась на ноги.

На секунду мы обе застыли. Я не шевельнулась даже для поклона, когда она молча ко мне подошла. Хагарлат остановилась лишь перед зеркалом и нагнулась, чтобы поднять свою нравную игрушку.

Окинув зеркальце взглядом, она взяла тряпицу из застывшей руки Шары, провела ею по поверхности и протянула зеркало мне.

— Чтобы ты могла лучше видеть, — сказала она и вышла, уронив тряпицу на ковер.

В миг, когда она скрылась из виду, няня и Шара повернулись ко мне одинаковым движением. Их лица побелели, носдри

трепетали от страха. Я не стала спрашивать, как вышло, что дверь в наши комнаты оказалась открыта. Это не имело значения.

Через неделю я была помолвлена с Садиком.

Я бросилась в ноги отцу в приемной комнате его личных покоев — в месте, где он мог быть не царем, но человеком.

— Умоляю, не отдавай меня ему, — плакала я. Я цеплялась за тонкую кожу его сандалий, оттолкнув край халата, чтобы прижаться лбом к его ступням.

— Билкис, — со вздохом ответил он. Я подняла голову, но отец не смотрел на меня. Морщинки у его глаз казались глубже в слабом свете дворцовых ламп, с края ресниц исчезла характерная прежде сурьма. — Разве ты не можешь этого сделать? Ради Сабы — и ради Алмакаха прежде всего?

— Но что мне за дело до любых богов? — сказала я. — Боги делают что хотят!

— Так неужели же ты богиня, чтобы делать лишь то, что хочешь? — тихо спросил он.

— Она сделала так лишь потому, что услышала, как я плохо говорю о Садике. Я искуплю свою вину! — Я понурила голову, сжалась у его ног. — Я попрошу прощения. Я буду прислуживать в ее покоях. Но прошу, не заставляй меня делать вот это!..

Он потянулся ко мне, поднял на ноги.

— Хагарлат желает видеть усиление связи наших племен. И почему нет? Твой брат будет царем. Неужели ты действительно считаешь царицу столь мелочной?

Я отпрянула от него.

— Разве ты не видишь, что она ненавидит меня?

Я неловко попятилась с невысокого помоста и оказалась в озерце света стоявших перед тронем ламп. Открыла рот, чтобы продолжить свое прошение, но осеклась, когда заметила, как он на меня смотрит.

Несколько мгновений его губы шевелились, но с них не следело ни слова.

Кожа его приобрела бледность, которой я раньше никогда не видела.

— Исмени... — сказал он едва слышно.

Его рука поднялась, пальцы задрожали в воздухе.

— Отец?

Я снова шагнула к нему, но, когда попыталась обнять его колени, он отдернул ноги прочь.

— Отец, это я, Билкис!

— Уже поздно, — ответил он, переводя взгляд на витражное окно.

Внизу, в королевских садах, уже зажглись факелы.

— Прошу, мой царь. Я была когда-то вашей дочерью. И если у вас осталась хоть капля любви ко мне...

— Все уже решено. — Его голос был строг и напряжен. Лампа замерцала, и я различила его лицо, искаженное гримасой, не сходившей с него все годы после смерти моей матери. Любовь затмила темная луна боли.

С тех пор Садик был словно повсюду одновременно. Стоял в открытых галереях, когда я выходила в сады. Прогуливался у фонтанов, когда я шла на уроки. И хотя он не решался приблизиться ко мне под надзором вездесущей стражи, его взгляд был неизбежной палящего солнца.

Я перестала выходить на обеды в зал. Я начала избегать уроков.

Один его вид — от того, как он носил свой разукрашенный кинжал высоко на поясе, демонстрируя его подобно собственному мужскому достоинству, до количества колец на его пальцах — вызывал у меня омерзение. Няня заверяла меня, что со временем мое отношение изменится. Но единственным моим утешением оставалось то, что я не окажусь с ним наедине до самой свадьбы, назначенной через три года.

Садик, однако, был совершенно бесчестным.

Мне было двенадцать, когда он впервые наложил на меня свои лапы.

Меня разбудил тихий скрип двери. Я была одна и поначалу, в свете почти погасшего ночника, решила, что это Барам, евнух. Он тоже был пузатым, с мягким дряблым подбородком, и он был единственным мужчиной, которому дозволялось входить в женские покои.

А затем я увидела блеск кинжала.

Силуэт пересек комнату в три шага, и я вскочила, зовя Барама. Садик хлестнул меня по лицу.

Я боролась с ним, но Садик был вдвое больше меня. Когда он прижимал меня своим весом, рукоять его кинжала впивалась мне в ребра.

— Барам и женщины сейчас у моей сестры, которая вновь не смогла выносить твоего нового братца, — жарко выдохнул он мне в ухо. От него разлило благовониями и вином. — И никто из них все равно не пошел бы наперекор новому мастеру вод.

Его рука сомкнулась на моем горле. Другой рукой он потянул вверх мое платье. Я царапалась до тех пор, пока почти не потеряла сознание, а затем крепко зажмурила глаза.

Следующие три дня я не вставала с постели.

Моя нянька позвала лекаря, но тот не нашел у меня даже лихорадки, лишь глухую апатию той, что не желала больше жить в собственном теле. Садик сумел не оставить меток на моем лице и шее — только царапины от своих колец на моих бедрах.

Мне хотелось подняться лишь для того, чтобы уйти в пустыню и шагать, пока пески не поглотят меня, но сил не хватало даже на это.

Когда настала ночь четвертого дня, я позвала свою няньку. И попросила у нее смертоносную белладонну, которой Хагарлат пользовалась, чтобы расширить свои зрачки. Или меда с нектаром рододендрона.

Но нянька лишь заморгала в ответ и спросила:

— Зачем, дитя? Зачем тебе подобные вещи? Ты и без них прекрасна, а от такого меда ты можешь заболеть.

Я не сумела заставить себя озвучить причину.

Вместо этого нянька дала мне пожевать кат¹, но даже его тонизирующие листья не сумели поднять меня с постели.

Во второй раз, когда Садик попытался взять меня силой, я сказала:

— Мой отец тебя казнит. Я обвиню тебя перед всем советом!

— Да неужели? Они спросят тебя: «Ты кричала? Кто тебя слышал? Почему ты сразу же не отправилась к своему царственному отцу?» А когда я скажу, что ты пыталась меня соблазнить, и выражу сомнения по поводу твоей чести, кому, как думаешь, они поверят?

Я знала, что он прав: он был братом царицы и мастером вод. Я была дочерью женщины, рожденной под темным знаком, и слишком часто оставалась одна.

— Когда они пришлют к тебе повивальную бабку и та подтвердит, что ты не чиста, у меня не останется выбора, кроме как публично отказаться от тебя ради собственной чести и чести царицы.

Мне стоило бы ощутить праведную ярость. Я должна была обвинить его перед отцом, пусть лишь для того, чтобы избежать его — и любого другого мужчины, поскольку после такого публичного скандала никто не женится на мне без щедрой взятки. Вместо этого стыд пожирал меня изнутри, шевелился во мне, словно черви под кожей.

Я умоляла Шару не оставлять меня в постели одну по ночам. Но Шара не могла отказать царице, когда та за ней присылала. Садик насиловал меня еще дважды за последующие месяцы, даже когда грозовые тучи собрались над горными террасами и первые порывы сезонных ветров начали трепать растущие на склонах деревья.

Пришли дожди, и я почти не вставала с постели. Потоки воды весь день неслись по холмам вниз, увлекая за собой по иссохшим руслам рек деревья, землю и те дома, которые,

¹ Легкий наркотик-стимулятор. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

к своему несчастью, оказались на их пути. Мне наконец удалось поспать целую ночь, настолько я была изнурена бессонницей, длившейся неделями. Пока что, хотя бы пока, я была в безопасности: мастер вод покинул дворец, чтобы наблюдать за потоками и состоянием каналов, и командовать рабочими, которые готовы были немедленно починить любую щель в шлюзах.

Незадолго до рассвета я встала и подошла к окну. Тело мое под ночной рубашкой иссохло, как прошлогодняя трава, потеряв всю детскую мягкость. Я распахнула решетчатые ставни.

Первые слуги уже вышли во двор, я могла различить их темные силуэты на фоне слабого рассветного зарева. И, как много ночей до этого, с тех пор как не стало матери, я попыталась различить на небе Звездных Сестер. Но в то утро луна заслонила одну из них. Я еще долго стояла у окна, глядя, как светлеет небо и блекнут звезды, и наблюдала за тем, как Сестры уходят из виду.

Впервые за долгие годы я молилась. Но не Шамс, солнцу, которая не сумела защитить мою мать... Алмакаху, лунному богу, который принял ее в свои владения.

Спаси меня или позволь умереть.

Вот и все. Я сняла с руки рубиновый браслет, самую дорогую и драгоценную из принадлежавших мне вещей, и положила его на подоконник перед светлеющим полумесяцем.

Позже в тот день во двор прибежали люди, их крики донеслись до меня через открытое окно спальни. Вскоре после этого одинокий пронзительный вопль раздался из женской части дворца, настолько громкий, что его слышала даже я.

Час спустя моя нянюшка пришла с новостями: один из шлюзов не выдержал напора. Потоком воды Садика унесло прочь.

Я возвела глаза к небу.

Я твоя.

Тела Садика так и не нашли. Спустя месяц после его смерти Хагарлат обвинила меня перед моим отцом. Ее лицо осунулось, одежда мешком повисла на исхудавшем теле. Я же сно-

ва выросла в свои платья, словно ко мне перешла пышность, потерянная ею от горя.

— Эта девчонка — проклятие нашего дома. — Ее голос сорвался. — Она прокляла моего брата и прокляла меня!

— Моя царица, ты чрезмерно волнуешься, — ответил отец усталым голосом.

— Неужто? Мой брат, ее жених, мертв, а у меня было два выкидыша с тех пор, как я перешла жить в твой дом. Ее собственная мать родила лишь одну дочь и умерла с твоим сыном в утробе. Говорю тебе, эта девчонка приносит смерть всем, кто окажется с ней рядом!

Когда отец наконец посмотрел на меня, я догадалась, что он увидел тень женщины, на которой женился не ради богатства, но по любви. И тогда я поняла, почему он не искал моего общества в горе, почему не призвал меня в годы моей отстраненности после ее смерти.

— Жена, — сказал он, склоняя голову.

— Ты отошлешь ее прочь, или я покину этот дворец и заберу с собой сына, пока она не убила и его тоже, как убила свою мать и нерожденного брата! У моей матери к моему возрасту было семеро детей, у моей сестры пять сыновей. Я же ни разу за четыре года не доносила дитя до срока. Готов ли ты заплатить за нее и жизнями наших будущих детей?

Я повернулась к ней, зашипев. Я была словно сухая ветка, готовая разлететься на острые щепки под весом единственной птички. Я была готова к безрассудству, была готова проклясть ее, ее сына, все будущие надежды ее лона, каждого члена ее племени, даже их верблюдов и козлов, вплоть до последнего бешеного пса.

Но воздух, который я набрала в легкие, чтобы проклясть ее, превратился вместо злых слов в тихий изумленный выдох. Был один безумный миг, когда я чуть не рассмеялась.

Она ничего не могла мне сделать, ничего не могла больше у меня отнять, не осталось ничего, чем бы я дорожила, — вплоть до моей собственной жизни.

Я, не имеющая силы, могла больше ничего не говорить. Она потеряла все свои преимущества передо мной. И в тот миг она сама это осознала. Я смотрела, как ее щеки бледнеют от этого осознания.

— Да, — сказала я своему отцу. — отошли меня прочь. Позволь отправиться за узкое море, в землю матери твоей матери. И дай мне жрецов и подношения для храма Алмакаха за морем, я принесу ему жертву во имя твое.

То ли мне показалось, то ли по его лицу и вправду скользнула тень облегчения.

Я не могла винить его за быстрое согласие. Алмаках был и его спасением тоже.

Той осенью я взошла на корабль в обществе моего учителя, свиты жрецов, новых священников для растущей колонии, а также с богатым грузом благовоний, пожертвований и даров для храма в Пунте. Мне не позволили взять с собой нянюшку и Шару — Хагарлат за этим проследила, — а потому я со слезами простилась с обеими, целуя их в шею и доверяя их воле богов.

Я была полна решимости никогда больше не возвращаться во дворец Мариба, к темным коридорам и еще более темным воспоминаниям. Я хотела провести остаток моей жизни в Пунте — в мире и спокойствии.

Но Алмаках, единожды призванный, имел на меня совершенно иные планы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мне снился туман, нисходящий на горные склоны накануне муссонных дождей. Туман взбурлил молоком от первых порывов ветра идущей грозы, и глухой рев дождевых потоков покатился вниз по склонам горы. Вода кипела пеной, капризной, меняющей цвет — вначале белой, затем желтой, по мере того как поднимался ил. Потоки, достаточно грозные, чтобы унести верблюда или даже дом, покатались по руслам рек в сторону шлюзов и ждущих влаги полей под ними.

— Македа.

Я открыла глаза и различила сквозь тонкий газовый полог кровати высокие потолки. Змейки лампового света играли на плитках тенями от полога, который должен был защищать меня от вездесущих moskitov.

Пели цикады. Даже закрытые ставни не спасали от их оглушительного хора. В месте между миром сна и миром яви их песню можно было принять за шелест весенних дождей, неустанный, убаюкивающий, зовущий обратно в сон...

Моего виска коснулись поцелуем, легким, как крылья мотылька. Я потянулась вверх, закрыв глаза, чтобы поймать прядь волос, намотать на палец, прижать к носу. Теплое колесо скользнуло у моего бока. Последние курильницы благовоний уже погасли, остался лишь аромат простыней, пропитанных желанием, утоленным на них несколько часов назад, в весенней жаре.

— Македа. — Теперь шепотом. Это было имя, данное мне семьей моей бабушки, — имя, которое я приняла, прибыв в Пунт и оставив позади опороченное имя Билкис.

Я притянула его к себе, губами отыскивая соленую шею. Он застонал, застыл на миг, словно собираясь заговорить, но затем опустил на меня всем телом.

И даже тогда мне казалось, что я слышу дождь, слышу стук капель в частящем пульсе, чувствую грозный поток в ощущениях. Так было, пока мы не застыли и я не задремала вновь.

— Македа.

Я вздохнула глубоким довольным вздохом.

— Ты должна проснуться.

Я открыла тяжелые веки, взглянула, как он лежит, приподнявшись надо мной на локте, и погладила его влажный лоб, запустила пальцы в темный водопад волос, обрамлявший его лицо. Макар, чей благородный отец служил моему в царском совете.

Макар, воин, который два года назад привел с собой новых сабейских поселенцев, чтобы было кому трудиться в золотой шахте и пополнять гарнизон.

Макар, любовь моя.

Я притянула его к себе с сонным вздохом, сомкнула руки на его спине.

— Еще ведь ночь.

— Да, — прошептал он мне в щеку, щекоча короткой бородой. На этот раз он отстранился, и я не сумела привлечь его назад. — Пойдем, царевна.

Шорох простыней, и я осталась одна на матрасе.

— Куда?

Мы бесчисленное количество раз покидали дворец по ночам, ускользали, как дети, купаться в садовых бассейнах при свете звезд, до рассветных лучей занимались любовью во фруктовых садах, а любопытные удоды наблюдали за нами с моринговых деревьев.

— К чудесному новому приключению.

— Ты разве не видишь, что совершенно меня обессилил? Он тихо рассмеялся.

— А мне казалось, что это ты меня вымотала.

— Ты кувшин, который никогда не пустеет.

— А ты колодец, что никогда не пересыхает. Но теперь пойдем.

Я перекадилась на бок. Стоящий вот так, он казался мне бронзовой статуей в храмовой нише. Боги известные и неизвестные, как же он был красив!

— Скажи, что любишь меня. — Но когда уголок моего рта приподнялся в улыбке, он не ответил.

— Ты же знаешь, что это так. — Однако странная тень мелькнула в его глазах.

Был ли то блик лампы, потрескивавшей остатками масла, или действительно морщинки на лбу у него углубились?

Полог сомкнулся за его спиной. Он начал собирать свою одежду.

Я изумленно хихикнула.

— Что же за приключение не может подождать до завтрашней ночи?

— Ты увидишь.

Тихий шорох раздался за дверью моей спальни. Евнух, приставленный ко мне двоюродной бабкой, все время спал у моей двери на верхнем этаже дворца. Что разбудило его в этот час?

Я приподнялась на локтях, полностью проснувшись.

Макар вернулся, в одной руке неся мой расшитый халат, а другую протягивая мне.

Я нахмурилась и встала с постели.

— Быстрее, — сказал он, вновь отступая за полог. Я видела, как он надевает саронг и опоясывает свои стройные бедра. Когда Макар потянулся за мечом, я поняла, что нас ждет не купание. И быстро натянула платье.

Макар вернулся и опустился передо мной на колени, чтобы одну за другой надеть туфли на мои ноги. Перед тем как

подняться, он посмотрел на меня снизу вверх. Теми же глазами, что следили за мной, словно я была самым солнцем, он смотрел на меня, впервые прибыв сюда капитаном гарнизона и вскоре после этого став дворцовым стражем. Однако сегодня в его глазах появилось нечто новое, странная и непонятная мне надежда.

— Любовь моя, что случилось?

— Пойдем. — Он поднялся и подал мне вуаль.

Яфуш за дверью не просто проснулся, он ждал нас с факелом в руке, и пляшущее пламя мерцало на его темной нубийской коже, отблескивало на золотом кольце в его ухе. Я перевела взгляд с евнуха на Макара. С каких пор мой возлюбленный действует заодно с моим охранником?

Внезапно я задумалась о том, не устроил ли Макар сегодня ночью тайной свадьбы со мной. Сколько раз мы говорили об этом, лежа в нашей постели под звездным пологом сада!

Царевна не может сама выбирать себе мужа. Но мой отец за все шесть лет моей ссылки не сделал ни одного шага к тому, чтобы заключить какую-либо помолвку.

Насколько я знала, Садик перед смертью ничуть не скрывал того, что со мной сделал. За всем случившимся стояла Хагарлат.

И тут внезапно я подумала о другом.

Макар, мой целитель, знал, что я пришла в его постель уже не девственницей. И никогда не расспрашивал о том первом случае, когда я в слезах сбежала из его постели. Когда я наконец сумела расслабиться в его руках, я осознала, что благодарна всем обстоятельствам, приведшим меня сюда, ведь красота этих дней перевесила ужас минувших ночей. Благородные связи Макара были отданы мне, изгнаннице. А я не могла принести ему никаких выгод — родня Хагарлат заполонила царский совет Сабы и заняла все влиятельные позиции.

Но и здесь, в Пунте, он не желал получать блага с моей помощью. А я не хотела платить ими за любовь.

Все эти мысли возникли в моей голове во время первых же трех шагов за порог спальни.

Тайная свадьба. Я улыбнулась себе. Что ж, значит, больше не будет вопросов.

Я следовала за ними по коридору, ведущему в нижний этаж, во двор, и затем наружу, сквозь колоннаду. Сады были освещены, цикады выводили свою симфонию. Я потянулась к руке Макара. Он поднес мои пальцы к губам и поцеловал, не взглянув в мою сторону.

Я покосилась на Яфуша. С первого взгляда на его мускулистые руки и бесстрастное лицо не знакомый с ним человек ни за что не принял бы его за евнуха.

Но что сказал ему Макар, из-за чего Яфуш так мрачно нахмурился? Разве нас ждет не радостное событие? Почему оба выглядят ничуть не радостными, ведя меня туда, куда направляются?

Что-то было не так.

К тому времени, как мы прошли сквозь маленькую северную калитку, мое сердце уже колотилось о ребра и у меня не осталось романтических предположений о свадьбе или моринговых деревьях.

Я отказалась идти дальше.

— Куда ты меня ведешь? Отвечай сейчас же.

Макар обернулся, и в первую секунду я просто не узнала его. Я никогда не видела его прежде без улыбки, играющей искрами в глазах или на губах. Но сейчас, в свете факела, я видела не лицо мужчины, который собирается жениться на своей возлюбленной, а лицо человека, охваченного внутренней борьбой.

— В храм. Вчера днем в наш порт прибыл корабль.

Корабль? Было уже слишком поздно для кораблей, даже из Египта.

— И какое отношение это имеет к нам?

— Будет лучше, если ты сама увидишь и услышишь об этом.

Я перевела взгляд с него на каменистую долину, суровую и мрачную в лунном свете, на слабый свет факелов на

холме, в конце извилистой, как змеиный след, тропинки к храму.

— Македа, — сказал он и замолчал. Когда я обернулась, на лице Макара ясно читалось страдание. — Запомни одно: я никогда тебя не обманывал.

Я молча глядела на него, пораженная этим внезапным утверждением.

— Я думаю, вам лучше пройти в храм, царевна, — сказал Яфуш.

Я переводила взгляд с одного на другого, но оба молчали.

— Так ни один из вас не станет говорить? Ну что ж, покончим с этой загадкой!

Я подобрала край халата и зашагала вперед, обогнав их. Сердце пойманной птицей колотилось в груди.

Я поднималась по храмовой тропке, мимо каменных стел моих предков, и мои шаги звучали слишком громко даже на фоне гудения насекомых; каждый шаг казался одновременно слишком быстрым и слишком медленным.

На вершине холма ожидала человеческая фигура, черная на фоне ночного неба. Жрец, судя по его одеяниям. Верховный жрец, судя по блеску луны на гладко выбритой голове. У него тоже своя роль в происходящем? Мы подошли, и жрец поднял ладонь в жесте благословения. Его голос казался хриплым в ночной тишине.

— Царевна.

Твердыня храма возвышалась за его спиной, каменные фризy терялись в ночной тьме. Резная деревянная дверь была распахнута. Свет факелов внутри казался огромным огненным глазом.

Что ждало меня за этой дверью в мертвый ночной час?

Когда я посмотрела на Макара, он лишь молча кивнул. И я поняла, что с тем, что ждет меня в храме, мне придется встретиться до разговора.

Был дикий момент, когда я играла с мыслью о том, чтобы сбежать назад по тропинке, но не во дворец и даже не в сады,

Літературно-художнє видання

Лі Тоска
Цариця Савська
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *К. В. Шаповалова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Ю. Єрдякова*

Підписано до друку 20.02.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 18,48. Наклад 4000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ЛИ Тоска
Царица Савская
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *Е. В. Шаповалова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Ю. Ердякова*

Подписано в печать 20.02.2019. Формат 84х108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literatupa». Усл. печ. л. 18,48. Тираж 4000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Поголос про божественну вроду й мудрість цариці Савської долинув до царя Соломона. Він, оповитий увагою сотень жінок, зажадав її як нікого й ніколи досі! Ніжні та пристрасні листи привертають увагу правительки, і вона таємно вирушає до його двору. Зоставшись наодинці, цариця більше не сумнівалася в широті почуттів Соломона... Проте царські дружини замислили розправитися з чужоземкою — нікому не дозволено позбавляти їх коханого! Цариця Савська залишає Єрусалим, забираючи з собою неоціненний скарб — дитину від Соломона...

Ли Т.

Л55 Царица Савская : роман / Тоска Ли ; пер. с англ. Т. Ивановой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 352 с.

ISBN 978-617-12-5966-9

ISBN 978-1-4516-8404-9 (англ.)

Молва о божественной красоте и мудрости царицы Савской донеслась до царя Соломона. Окруженный сотнями женщин, он возжелал ее как никого и никогда прежде! Нежные и страстные письма привлекают внимание правительницы, и она тайно отправляется к его двору. Оставшись наедине, царица больше ни разу не сомневалась в искренности чувств Соломона... Но царские жены задумали разделаться с чужоземкой — никому не позволено отнимать у них возлюбленного! Царица Савская бежит, унося под сердцем бесценный дар Соломона...

УДК 821.111(73)